

Их не знали только в лицо...

Довольно часто бывает так, что со многими вещами настолько свыкаешься, что порой даже не задумываешься, как они пришли в твою жизнь, как стали твоей тенью... Тем более, если речь идет о настоящей музыке, о настоящих стихах.

Я хочу рассказать о нескольких одесских песнях-шедеврах, составивших славу нашему городу на веки вечные. Славу чуть ли не мировую... Именно по ним, этим песням, у многих "взят ориентир" на Одессу, складывалось и продолжает складываться соответствующее устойчивое мировоззрение (даже у тех, кто эту Одессу и в глаза никогда не видел), формируются одесские впечатления, бегущие впереди собственных умозаключений. Песни эти заставляют жить как бы предвкушая, трепетно ожидая встречи с этим городом-призраком.

Еще бы! В песнях есть все — и разноцветная жизнь, и параллельные миры, и неожиданные повороты, и нестандартные ситуации, и звонкие названия наших улиц, и завидные судьбы...

Песен об Одессе бесконечное множество. Их количество увеличивается, наверное, с каждым часом. В этом потоке много песенного мусора, но есть и настоящие одесские искорки — искорки преданности, памяти и любви.

Если песни поются всем народом, на всех параллелях и меридианах — это уже говорит о многом. Вместе с тем у песен есть конкретные авторы. Люди, пропустившие через себя одесские ценности, одесские нормы морали, одесские характеры — яркие, жгучие, нетерпеливые.

Кто эти люди? Как дошли до жизни такой?

Кто знает их фамилии, имена? Как вообще они выглядят?!

Давайте присмотримся пристальней...

"Ты в сердце моем, ты всюду со мной, Одесса, мой город родной"

Общеизвестно, что эта песня композитора И.О. Дунаевского из оперетты "Белая акация" о советских китобоях. А кто же автор слов, ставших своеобразным гимном Одессы?

"Песня об Одессе" в либретто Владимира Масса и Михаила Червинского оперетты "Белая акация" именовалась "Песней Тони об Одессе". Безусловно,

Владимир Масс и Михаил Червинский заслуживают того, чтобы рассказать о них, хотя, как говорится, информации до обидного мало.

Сухим языком краткой биографической справки:

Владимир Масс. 1960-е гг.

Масс Владимир Захарович родился в 1896 г. в Москве. В 1915-17 гг. учился на филологическом факультете Московского университета. В 1918-20 гг. сотрудник Театрального отделения Наркомпроса РСФСР. Автор пьесы "Народ Парижской коммуны" (1919 г.). В 1920 г. поступил в студию Московского театра сатиры, после ее закрытия в 1921-23 гг. написал ряд известных пьес, буффонад, стихов, и др., песен, в т. ч. известные "Джон Грей" и "Калькутта". С 1925 г. писал для "Синей блузы" политические памфлеты, скетчи, сценки. Является автором песенок к спектаклю МХАТа "Женитьба Фигаро", различных постановок для Камерного театра (совместно с Н.Р. Эрдманом), музыкальных пьес-обзоров для Теа-джаза Л.О. Утесова

"Музыкальный магазин", успех которых подал идею создания кинофильма "Веселые ребята" (сценарий Массы и Эрдмана) и др.

В 1933 г. арестован, послан в Тобольск, затем в Тюмень, где руководил драматическим театром. В 1936 г. поселился в Горьком, организовал колхозный театр; позже Масс возглавлял Областной театр драмы. В 1942-43 гг. руководил фронтовым театром Московского военного округа, заведовал литературной частью Московского театра миниатюр. Автор (совместно с М.А. Червинским) многоактных пьес, либретто оперетт "Трембита", "Белая акация", "Москва — Черемушки" и др., фельетонов, обзоров для театров миниатюр, сценок для М.В. Мироновой и А.С. Менакера, Л.Б. Мирова и М.В. Новицкого и др. Писал статьи по вопросам эстрадной драматургии, подготовил к изданию сборник "Комедии", куда вошли произведения, написанные совместно с Червинским (1968 г.), и др.

Умер в Москве в 1979 г.

Червинский Михаил Абрамович родился в 1911 г. в Одессе, драматург. По образованию инженер. В 1930-х гг. — автор фельетонов и монологов для А.И. Райкина, В.Я. Хенкина и др. В 1941-44 гг. — на фронте. После тяжелого ранения — в Москве, где в 1944 г. познакомился с В.З. Массом, ставшим его соавтором. Первая совместная работа — комедия-обзорение

Михаил Червинский. 1958 г.

для Московского театра миниатюр "Где-то в Москве" (1944 г.). Для Ленинградского театра миниатюр, в частности, для А.И. Райкина, написаны программы "Своими словами", "Приходите, побеседуем!", "Любовь и три апельсина"; ряд интермедий для Л.Б. Мирова, А.С. Менакера, либретто оперетты "Белая акация" и др.

Умер в Москве в 1965 г.

Конечно, одессит Михаил Червинский и Владимир Масс, много лет тесно общавшийся с Леонидом Утесовым, не случайно взялись за разработку одесской темы. Так или иначе, они (не без помощи, конечно, Дунаевского) сумели выразить не только "...все, что с детства лелеем мы, в сердце тая", но и привить любовь к Одессе миллионам людей. Сумели "заразить" Одессой и морем, сумели расширить существовавшие в сознании многих одесские горизонты и перспективы. И сделано это к месту, неназойливо, талантливо и профессионально.

Время промчалось стремительно, и сегодня "Белая акация", по правде говоря, практически забыта. Ничего это название не говорит молодому поколению. Забыты и не прошли проверку временем отношения и коллизии "Белой акации". Давно нет китобоев... Нет той особой атмосферы, когда Одесса встречала и провожала героев Антарктики. Нет той ауры... Не по своей воле Одесса потеряла эту, еще одну, сторону своей привлекательности. Но жизнь, как известно, не стоит на месте...

За "закрытыми дверями" оперетты поначалу "Песня Тони..." была лишь песней, объясняющей те или иные поступки героев постановки. В рамках оперетты такой песне было тесно...

Ее запели в ресторанах, концертных площадках и стадионах. Ее напевали на улицах, в трамваях, на дружеских застольях. Ее мелодию начали отбивать "Одесские куранты" на Приморском бульваре...

Песня об Одессе вырвалась на свободу, иначе и быть не могло.

Так слова Владимира Массы и Михаила Червинского, изначально написанные по законам легкого жанра, стали символом города, одновременно сохранив некую преемственность оперетты, подчеркивая неунывающий одесский характер.

Да, "Белой акации" нет... Но навсегда остается Одесса, остаются гениальная музыка и бессмертные слова об Одессе, запавшие в душу не только одесситов...

В современном мире, когда одесситы укоренились во всех уголках планеты, вместе с одесской традицией за границами Одессы оказалась и "Песня Тони..." — почерк талантливых драматургов Владимира Масса и Михаила Червинского, выдавших бессрочную визитную карточку нашему городу.

А остальное, как говорится, уже история...

"Ты одессит, Мишка, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда..."

Я могу слушать эту песню бесконечно. Много лет я вообще не задумывался, что у этих строк может быть автор. Напевая, часто ловил себя на мысли, что как бы говорю все это от своего имени, настолько рельефно здесь повторяются какие-то этапы и моей жизни (либо то, что я непременно бы сделал, находясь на Мишкином месте).

Много раз я покидал Одессу, покидал надолго.

Много раз, как тот "*мальчишка голоштаный*" не мог сдержать слезы, ощупывая глазами, все ли на месте после моего длительного отсутствия...

Много раз я слушал "Мишку" в разных городах, странах и даже континентах.

Много раз бежал к радиоточке, чтобы сделать громче "Одессита Мишку", — ведь было время, когда в эфире песня звучала не так часто, даже в Одессе. Изредка ее можно было услышать только в ресторанах.

Не забыть, как в Южно-Сахалинске, в ресторане "Турист", когда кто-то заказал "Одессита Мишку", и одна пара внезапно выдвинулась к центру зала на танец, путь преградил молодой капитан-лейтенант: "Под это не танцуют, это память...". И в замерзшем Магадане, в ресторане "Северный", под "Мишку" тоже не танцевали...

Подпевал я ее в Анадырском порту с нашими моряками, возвращавшимися домой, в Одессу, после "полярки". Повторял "Мишку" "про себя", вторя оркестру ресторана "Золотой Рог" во Владивостоке. Подсказывал слова музыкантам, хорошо усвоившим мелодию "Мишки", в ресторане Дома офицеров в Риге.

Аналогичная ситуация повторялась и в далеком Чарджоу, и в Мурманске, и в забытом Богом Иркутске, не говоря уже о Ленинграде и Москве.

Не забыть, как в Нью-Йорке, на Брайтоне, в ресторане "Приморский", под эту песню в исполнении Михаила Гулько люди плакали, не стесняясь слез... И как в мае 2008 г. буквально "вся Дерибасовская", скопившаяся

у памятника Утесову, под аккомпанемент одесского оркестра "Мамины дети" пела "Мишку".

Что же это за феномен такой?

Ведь не только Владимир Дыховичный (а именно он автор стихов "Одессита Мишки") пытался рассказать о своих чувствах к Одессе. Известна, например, песня "Мы из Одессы — моряки", пронзительно исполнявшаяся Клавдией Шульженко (музыка Ю. Милютина, слова В. Гусева):

Улица одесская, старые каштаны...

Осень черноморская, пули да туманы...

Под огнями грозными, в горький час ночной

Покидали город мы, город наш родной...

Деревья нас печально провожали.

"Откуда вы?" — они во тьме шептали.

И мы с тоскою в сердце отвечали:

"Мы из Одессы — моряки".

Увы! Песня эта, как и многие другие, получила известность только на короткое время, практически "не дожив" до наших дней. Все-таки не было в ней того настроения, той чувствительности, которые так подкупают в нашем "Мишке".

Музыка к "Одесситу Мишке" написана композитором Михаилом Валовацем (в ряде источников — Воловац), который еще в довоенные годы был не только пианистом в оркестре Утесова, но и активным участником его театрализованных представлений (по некоторым данным, одно время он был даже дирижером Ленинградского театра оперетты).

Так или иначе, известно, что раньше М. Валоваца музыку к "Мишке" написал М. Табачников. Однако песню в таком варианте "не пропустил" сам Утесов... Смею сделать предположение, что Леонид Осипович, оценив, что это за вещь(!), не захотел делить славу еще с одним одесситом — Модестом Табачниковым. Хотя даже сегодня во многих изданиях, в т. ч. авторитетных, ошибочно указано, что "Мишку" написал Табачников.

Тем не менее, факт остается фактом — в "Одессите Мишке" Михаил Валовац показал себя блестящим музыкантом и аранжировщиком.

А много ли мы сегодня знаем о самом Владимире Дыховичном?

Сведения более чем скудны.* Увы! В сегодняшней Одессе, думаю, вообще никто не видел лица этого человека. А ведь Владимир Дыховичный написал довольно много известных произведений (часто вместе с Мори-

* Созданию "Одессита Мишки" посвящены некоторые работы одесских авторов Л. Мельниченко, Р. Бродавко, Е. Женина.

сом Слободским). * Причем на музыку совершенно разных композиторов (А. Цфасман, С. Кац, М. Блантер, М. Табачников, Н. Богословский, Э. Колмановский, М. Фрадкин и др.). Достаточно только вспомнить известные "Два Максима", "Солдатский вальс" ("Когда мы вернемся домой..."), "Добрый день", "Морская песенка", "Перед дальней дорогой" и др. Его песни исполняли "самые-самые" — Л. Утесов, М. Бернес, Г. Виноградов, И. Кобзон, Е. Беляев, В. Нечаев, Г. Абрамов.

Уже после войны в сотрудничестве с тем же М. Слободским было написано множество популярных песен, интермедий, водевилей, эстрадных программ для М. Мироновой и А. Менакера, А. Шурова и Н. Рыкунина, Л. Мирова и Л. Новицкого. Это уже о чем-то говорит...

И еще. Вопреки известному заблуждению, что Владимир Дыховичный в 1950 г. был арестован и сослан на три года в лагерь, он никогда не подвергался репрессиям.

А как только не называли Владимира Дыховичного — писателем, сатириком, драматургом, поэтом-песенником, сценаристом!

Владимир Дыховичный
1930-е гг.

Что же еще мы знаем о его жизни?
Владимир Абрамович Дыховичный родился в Москве 25 (12) марта 1911 года в семье профессора, преподававшего еще до революции в Московском университете на геологическом факультете. В семье было трое детей — старший Владимир, дочь Нина, младший сын Юрий. Нина и Юрий впоследствии стали известными в стране архитекторами (Юрий участвовал в проектировании и строительстве высотного дома в Москве на Котельнической набережной).

Владимир Дыховичный окончил Московский геолого-разведочный институт, работал инженером-геологом в Донбассе, на Кавказе, в Средней Азии (даже успел по-настоящему познакомиться с грозными басмачами). Еще в годы учебы увлекся танцами, даже преподавал танцы в институте, что, конечно, мало радовало отца, степенного профессора. В Москве некоторое время учился в театральной студии А.Д. Дикого, затем работал на эстраде чтецом-декламатором.

Потом была война. Много войны...

Участвовал в финском "конфликте", выступал во фронтовом эстрад-

* Материалы РГАЛИ, ф. 2282, 127д.

Владимир Дыховичный
Война. Северный флот

ном ансамбле. В 41-м — на Северном флоте, входил в различные фронтовые бригады и театры. Работал с Московским театром миниатюр, фронтовым филиалом театра им. Евг. Вахтангова, Ленинградским театром комедии.

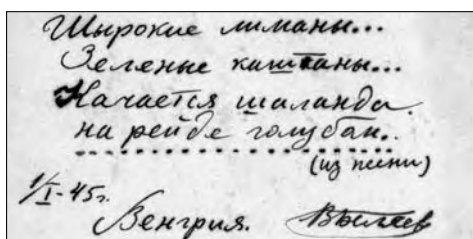
Награжден орденом Красной Звезды.

Как и многие другие, в период борьбы с космополитами подвергся гонениям. Был очень дружен с К. Симоновым, Б. Ласкиным, В. Катаевым, Б. Пастернаком. Особенно дружил с К. Симоновым. Часто на концертах читал его стихи. В июне 41-го К. Симонов даже жил в квартире Дыховичного. Кстати сказать, о начале войны К. Симонов узнал 22 июня только

к... 18.00, так как все время работал дома и на улицу не выходил. После звонка Дыховичного к себе домой, Симонову стало известно, что началась война...

Многое повидал Дыховичный в годы войны. Три месяца прослужил в блокадном Ленинграде... Только одного этого достаточно, чтобы осознать ужасы войны и подлинное мужество.

...В конце 1941 — в начале 1942 г. появился "Одессит Мишка", написанный специально для Леонида Утесова. Устами этого Мишки было сказано то,

Открытка из действующей армии
в освобожденную Одессу

о чем думали все, покидая родные места. Дыховичный сумел в коротком повествовании проследить весь путь становления мужчины — от "мальчишки голоштанного" до защитника отечества. Становления без высокопарной фразы, без ненужных пояснений. Оказалось, что "родные камни мостовой" первичны по отношению к принятым догмам и официальной идеологии.

ТЫ—ОДЕССИТ, А ЭТО ЗНАЧИТ...

Товарищи одесситы!

♦ Вот песня, которую сложили об Одессе в конце
♦ 1941 г. советские люди, — песня о «Мишке-одесси-
♦ те»:

— 1. —

Широкие лиманы, зеленые каштаны,
Качается шалаанда на рейде голубом.
В красавице Одессе мальчишка голоштаный
С ребячьих лет считался завравским морячком.

И если горькая обида
Мальчишку станет дожимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, скажет ему мать:

«Ты — одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты — моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

— 2. —

Изыртые лиманы, изымтые каштаны,
Красавица Одесса под вражеским огнем.
С горячим пулеметом на вахте неустанной
Молоденький мальчишка в бушлатике морском...

И эта ночь, как день вчерашний,
Проходит в вихре и борьбе.
Паришке не бывает страшно,
А станет страшно — скажет сам себе:

«Ты — одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты — моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

— 3. —

Изыртые лиманы, опавшие каштаны,
И тихий скорбный шелест присвоенных знамен.
В глубокой тишине, без труб, без барабанов
Одессу оставляет последний батальон...

Хотелось лечь, прикрыть бы телом
Родные камни мостовой.
Впервые плакать захотелось
Но комиссар обнял его рукой:

«Ты — одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ведь ты — моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

— 4. —

Широкие лиманы, зеленые каштаны
Еще усыпшат шелест развернутых знамен,
Когда войдет обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу усталый батальон...

И, уронив на землю розы,
Знак возвращенья своего,
Мальчишка не удержит слезы,
Но тут никто не скажет ничего:

«Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть и моряк Мишка, моряк не плачет,
Но в этот раз поплакать, право, не беда».

Эту песню о Мишке-одессите поет и любит вся наша
Родина, весь наш народ. Одесса — наша, родная, живая кузница
нашей священной советской Родины!

Красная Армия, громя немецко-румынских захватчиков,
вышла на ближние подступы к Одессе. Кошмар немецко-румынских
хозяйничанья в Одессе кончается.

Настает радостный и счастливый, долгожданный день —
освобождения прекрасной-Одессы.

Привет вам, товарищи одесситы, от Красной Армии!

Помогайте Красной Армии освобождать родную землю!

Бейте и уничтожайте немецко-румынских захватчиков!

Листовка с текстом песни "Одессит Мишка". Март-апрель 1944 г.

...В 42-м, да и в 43-м, и даже 44-м годах никто не знал, что будет дальше, и чем вообще все это может закончиться. А вот Дыховичный смог убедить всех в том, что все-таки "войдет в Одессу усталый батальон". Все-таки войдет!!! И это-то в растерзанном 42-м году!

...Я держал в руках фронтовые письма, где солдаты своими словами пересказывали "Мишку", только что услышанного по радио или с пластинки*. Пересказывали со множеством ошибок и отступлений, но все же с тем же ударением и тем же акцентом. Одесским акцентом. Как это могло подействовать на передовой, в окопе, у корабельной пушки, у перископа? Ответ один. Нельзя спрятаться за чужие широкие спины. Не получится!.. На всех одного Мишки не хватит...

В марте-апреле 44-го листовки с текстом "Одессита Мишки" разбрасывали с самолетов над оккупированной Одессой с призывом: "Помогайте Красной Армии освобождать родную землю". Думаю, что история не знает такого второго примера. Без сомнения, ни про один оккупированный вра-

* Пластика с "Одесситом Мишкой" в исполнении Л. Утесова выпущена в 1943 г.

Портрет В. Дыховичного (с дарственной надписью автора И. Резниченко). 1956 г.

гом город нельзя ничего подобного рассказать. Простые слова Владимира Дыховичного оказались во стократ сильнее любых агитационных призывов и политических противопоставлений.

Думается, что нет ничего странного и в том, что, наряду с другими песнями "Мишку" сильно поносили, даже на уровне Президиума Оргкомитета советских композиторов (заседание 27-29 апреля 1942 г.). Пришивали все, что было "модно" в то время — "идейно-эмоциональную ограниченность", "мещанские представления о жизни", "сентиментальность салонного вальса" и т. д. Ничего не помогло. Народ все же

рассмотрел другое — отсутствие фальши в чувствах и действиях, человеческую близость и душевную теплоту. Попытки же Дыховичного "исправиться", то есть, как говорится, "пойти со всеми в ногу", так ни к чему и не привели. Продолжения "Мишки" не получилось. Новый текст "Мишка вернулся в Одессу"* забылся напрочь. Наверное, еще и потому, что был написан не от чего-то, а для чего-то...

Однако этот новый "Мишка..." сейчас вспомнился мне совершенно в другом контексте.

Давайте послушаем легендарного одессита, директора городской детско-юношеской спортивной школы № 2 Бориса Давидовича Литвака:

"...Было это где-то в мае 44-го. Я с мамой возвращался домой, в Одессу, из Средней Азии. Сюда мы успели эвакуироваться из Одессы 28 сентября 41-го на сухогрузе "Днепр".

"Товарняк" шел через всю страну. Одним словом, едем домой. Жара... Очень захотелось пить. А жара, известно, хуже голода. Остановились на каком-то полустанке. Мама осталась ждать, я побежал набрать воды в котелок.

Заскочил в какой-то барак, что-то типа станции. На стенке репродуктор с черным диффузором, заклеенным газетой. Из репродуктора прозвучало: "Сейчас будет говорить Леонид Осипович Утесов".

Я насторожился. Утесов произнес: "В связи с освобождением Одессы я изменил концовку песни "Одессит Мишка". Он запел:

* Опубликовано 26 апреля 1944 г.

*Одесские лиманы! Цветущие каштаны!
Победоносный грохот развернутых знамен
Врывается в Одессу, в свой город долгожданный,
Последний из Одессы ушедший батальон...*

Надо ли говорить, что значила Одесса для меня, 14-летнего пацана, прошедшего через оборону Одессы, через голод и лишения эвакуации?! В этот момент я перестал что-либо понимать. Глаза, полные слез... Только услышал лязг буферов. Тронулся поезд... Я не мог сдвинуться с места.

Бросил котелок с водой, успел добежать до последнего вагона, вскочил на ступеньку, схватился за поперечину лестницы, завис... В этот момент раздвинулись тяжелые двери вагона, появился человек с ружьем и примкнутым штыком. Я попытался объяснить, попытался рассказать о причине, заставившей меня догонять поезд... Поначалу, наверное, ему показалось странным, что песня может вызвать такие эмоции. Тем не менее, он подал мне приклад ружья, я взялся за него и... залез в вагон.

Было приказано лечь на сено. Я еще раз пересказал все сначала, снова повторил, что мама во втором вагоне, что мы едем в Одессу... В ответ услышал: "Хороший город, я был там когда-то в доме отдыха...". Меня отпустили, дав на дорогу горбушку хлеба и флягу с водой, которую часовой снял с пояса...

Тут только дошло, что "Одессит Мишка" мог стоить мне жизни... Еще шла война, в вагоне перевозили снаряды... Меня могли застрелить на месте.

...В 46-м Утесов выступал в нашем Зеленом театре в парке Шевченко. Третьей по счету была песня "Одессит Мишка":

*Ты одессит, Мишка! Земля родная,
Одесса ждет тебя, с победой тебя ждет:
Ведь ты моряк, Мишка, мы путь твой знаем,
Великий путь, победный русский путь вперед!*

Мы тренировались рядом, перемахнули через забор...

Перед концертом в Зеленый театр въехали инвалиды на досточках с подшитниками и колотушками в руках. Они выстроились на площадке между сценой и первым рядом. Многие были и на костылях.

Тогда Утесов не вышел на бис.

На сцену полетели костыли и колотушки...

Эти люди лишились средств передвижения.

Утесов на сцену так и не вышел...

Кажется, после этого случая он приехал в Одессу только через 18 лет, в году 64-м.

А "Одессит Мишка" никогда "не уезжал", он со мной всю жизнь..."

Вернемся все же к Владимиру Дыховичному.

"Одессит Мишка" достучался до каждого одессита. Дыховичный заставлял других завидовать Одессе. Ведь был, непременно был (!) и киевлянин Мишка, и новороссиец Мишка, и Мишка-ростовчанин. А вот "прошел" только одессит.

...По большому счету, Одесса без Дыховичного и его "Мишки" прожила бы, не стала бы менее уважаемой и признанной. Одесса без Дыховичного и его "Мишки" — беднее, значительно беднее! Дыховичный своим "Мишкой" как бы вооружил Одессу на все времена. Теперь, что бы ни происходило с Одессой, уже есть лейтмотив, своеобразный пример для подражания.

...И как это ни печально, слова Дыховичного, может быть, как никакие другие, точно подходят для описания "новых" отношений в нынешней Одессе, когда "изрытые лиманы, поникшие каштаны"... — сплошь да рядом. Когда, не обращая внимания ни на что, сильные мира сего строят в нашем городе свой город... Так что "красавица Одесса под вражеским огнем..." — отчасти это реалии и сегодняшнего дня...

Слово сыну Владимира Дыховичного — Ивану Владимировичу — известному российскому кинорежиссеру*:

"3 июля 63 года мой отец умер в Ростове-на-Дону. Было мне 15 лет. Помню, как на нашей даче в Пахре в это утро за мной прибежала какая-то тетка с белым лицом и сказала, чтобы я бежал домой. Не помню, как я добежал до своего забора, открыл калитку, и навстречу мне шел Симонов Константин Михайлович. Я уткнулся в него, он крепко сжал мою голову и тихо сказал: "Ванька, отец умер. Он был очень хорошим человеком".

С тех пор я живу с этой фразой.

Он был не похож на многих своих братьев. Мало шутил. Не рассказывал анекдоты. Не пошлил. Не кричал. Не подавал руки подлецу. Не дружил с нужными людьми. Не предавал. Не бросал курить. Не слушался, а слушал. Не унывал. Не показывал, что ему худо. Не болел. Не учил жить.

Оставил меня в 15 лет одного. Больше всего на свете я люблю его со всеми его мужскими недостатками. Он не был добропорядочным мужем. Его очень увлекали женщины. Любил блондинок. Жил с брюнеткой. И очень правильно любил мою мать. Умел делать подарки. Не боялся смерти. Никого не грузил. Очень любил друзей.

Любил Одессу и Питер. Я нашел после его смерти записную книжку с блатными одесскими песнями, каллиграфически записанными его рукой,

* Из письма И.В. Дыховичного от 21.07.08 г. к М.Б. Пойзнеру.

и карточки с 5-10-минутными сюжетами, сформулированными очень коротко и очень точно.

Он был спортивного вида элегантный человек. С отличным вкусом к жизни. Пил водку. Любил настойку на мороженой рябине. Закусывал груздями и обожал draniki.

Никогда не сдавался. В день смерти Сталина пошел кататься на лыжах на глазах у всего дома. Мама бежала за ним по лестнице с криком: "Что ты делаешь? Ты нас погубишь!". Он повернулся к ней в ярком свитере и с лыжами на плечах: "Я его ненавижу, ненавидел и буду ненавидеть". Я слышал, как захлопнулась дверь нашего подъезда. Он вышел во двор. А мама осталась на лестнице со мной на ступеньках и громко зарыдала.

Его осуждали, что он одевался как денди. Называли космополитом. Обвинили во всех грехах. В отличие от многих, он не вступал в партию. Не выступал с осуждением своих коллег. Его не печатали. Кладили фильмы, сделанные по его сценариям, на полку. Закрывали спектакли. Мы сдавали вещи в ломбард. А у него был вид денди.

Я встретил его гроб во Внуково на складе. Был грузовик. И представитель литфонда Арид Давыдыч. Нам долго не выдавали гроб какие-то дядьки со склада. Потом выехал грузовик с гробом, в кузове сидел начальник, прямо на цинковой крышке гроба. Арид Давыдыч сел в кабину, а я в кузов. С отцом. И мы поехали в морг. Дорога была длинной. Я положил руку на цинковый лист и не отнимал ее до Склифосовского морга. Думаю, за эти два часа езды что-то в меня переселилось от отца.

На следующий день были похороны в Доме литераторов. Зал ресторана декорировался в похоронный зал, поставили гроб, менялись караульные. Был и Моисей, парикмахер, который стриг всех писателей в подвале под рестораном, обожавший моего отца. В день, когда я родился, он стриг моего отца и произнес:

— Володя, у вас родился сын, и как вы его назвали?

Наступила пауза.

— Иваном.

Моисей перестал щелкать ножницами и сказал:

— Редкое еврейское имя.

В первый раз Моисей стриг меня в месяц от роду, дома. И сказал, что никогда не стриг человека, которому месяц. И навсегда оставил маленькую машинку, которой меня стриг.

Теперь он стоял маленький, с головой блестящей, как шар, в черном костюме и белоснежной рубашке. Он стоял и плакал. Я вышел на улицу. Была масса

Новодевичье кладбище. Могила В. Дыховичного

людей. У какой-то женщины я увидел огромный букет ромашек. Была страшная жара. И вдруг я услышал сзади тихий голос, почти шепот, я решил, что это от жары мне что-то чудится. Но обернувшись, увидел за собой Утесова, который стоял и пел:

— Одесские лиманы, цветущие каштаны...

Он обнял меня и тихо на ухо пропел дальше:

— Ты одессит, Мишка, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда...
Так я живу с тех пор с тихим голосом Утесова, напевавшим мне на ухо:
— Моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда.
Мой отец был настоящим человеком".

К этим словам мало что можно добавить...

Закончу признанием.

Это он, Дыховичный, в те грозные годы напомнил всем, что Одесса была, есть и будет.

Это он, Дыховичный, напомнил одесситам, что они ОДЕССИТЫ.

Это он, Дыховичный, напомнил морякам о морской чести и морских традициях.

Это он, Дыховичный, напомнил Утесову, что тот все-таки одессит, тем самым выдав ему, может быть, самый главный одесский карт-бланш на всю жизнь.

Напомнил ненавязчиво, без какого-либо менторства, глубоко и символично.

Дыховичный многих повернул лицом к Одессе. Это уже после "Мишки-одессита" Утесов пел и "У Черного моря", и "Одесский порт", и "Ах, Одесса моя ненаглядная"... Все это было уже потом...

Умер Владимир Абрамович Дыховичный внезапно, 24 июня 1963 г., в Ростове-на-Дону (здесь он вместе с М. Слободским работал над мюзиклом "Москва-Венера, далее везде..."). Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. Как сориентировал нас Иван Владимирович Дыховичный: "Это сразу же после площадки — первая аллея налево". Мы, со своей стороны, несколько уточним: "Новодевичье кладбище, участок 8, ряд 30, линия 7".

У кого есть такая возможность, будучи в Москве, поклонитесь праху этого человека.

Задумайтесь, что и как он сделал для Одессы.

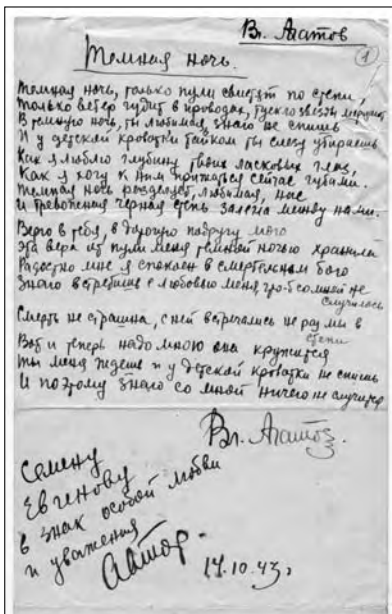
"Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика..."

Песня "Шаланды, полные кефали" из кинофильма "Два бойца"*; блистательно исполненная Марком Бернесом, — общеизвестна, любима и, думаю, не требует каких-либо особых комментариев.

Мастерское подражание одесскому песенному фольклору (на музыку Никиты Богословского) выполнено Владимиром Агатовым. Он же является автором легендарной "Темной ночи".

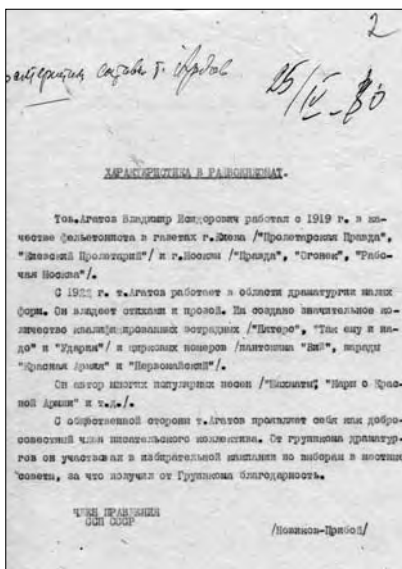
Приведу известное высказывание композитора Н. Богословского:

"Я петербуржец по рождению, никаких этих одесских песен не слышал. В помощь мне дали объявление в газете, что всех лиц, которые знают одесские песни, просят в такой-то день явиться на студию. И собралась гигантская толпа патриотов своего города, причем совершенно разнообразных, начиная от седебородых солидных профессоров и кончая такими подозрительными личностями, что я никак не мог понять, почему они до сих пор не в тюрьме. И все наперебой стали петь свои любимые мелодии. Я слушал, ухватывая типичные интонации, а затем использовал их — в синтезе, как особый характер, — для новой, совершенно оригинальной песни".

Владимир Агатов. "Темная ночь"
Стихотворение. Автограф. 1943 г.

* Фильм снят на Ташкентской киностудии в 1943 г. Режиссер Л. Луков, сценарий Е. Габриловича (по повести Л. Славина "Моя земляки").

Характеристика Союза Советских писателей
на В.И. Агатов. 1940 г.

Характеристика Союза Советских писателей на В.И. Агатов. 1940 г.

Однако вернемся к "Шаландам".

Известно, что "Шаланды" не предполагались первоначальным вариантом сценария кинофильма "Два бойца". Луков настаивал только на "Темной ночи". Но так получилось, что "Темную ночь" Утесов, нарушив все правила приличия, запел еще... до выхода на экраны "Двух бойцов" (кто-то "конкретный" проболтался о "Темной ночи"...). Таким образом, для зрителей был утрачен сам момент внезапности.

"Шаланды" писались по требованию Лукова уже "вслед уходящему поезду", чтобы как-то дополнительно охарактеризовать главного героя — одессита Дзюбина. Эти обстоятельства возлагали на Агатова особую ответственность. Уровень того нового, что предстояло написать, должен был быть никак не ниже "Темной ночи". С этой задачей Агатов справился гениально.

Не надо забывать, что "Шаланды" появились в военное неоднозначное время. Когда совсем не до старомодной галантности и участия в выясне-

А что Агатов?

Сведений о его жизни исключительно мало. Достоверно известно следующее.

Владимир Исидорович Агатов (Гуревич) родился в 1901 г. в Киеве. Его характеристика, подготовленная в 1940 г. драматургом А. Ардовым, подписана самим А. Новиковым-Прибоем*.

Так что к началу войны Агатов уже вполне сформировавшийся творческий работник, поэт-песенник, "неостанавливающийся общественник".

Известны также его песенки "Коканетка" (из репертуара А. Вертинского), "Чайный домик", знаменитая одесская блатная "Ох, уж повезло косому Ваньке" с залихватским припевом: "Алеха жарил на баяне, шумел, гремел посудуо шалман...".

* Материалы РГАЛИ, ф. 631, оп. 2, ед. хр. 453, л. 2.

нии отношений какого-то Кости с какой-то Соней на фоне одесского образа жизни. Однако здесь, думаю, Агатовым был заложен определенный подтекст — вера в то, что война закончится, а все "мирное", определяющее смысл жизни, вернется. Вернется непременно!

Что же должно было двигать автором "Шаланд", когда буквально за один присест, отрешившись от военных тревог, он, киевлянин, окунулся в незнакомый довольно противоречивый одесский мир — мир с кефалью, биндюжниками, рыбачкой Соней, моряком Костей, портовыми грузчиками, Французским бульваром и Фонтаном?..

В результате получилась хорошо сколоченная "штучная" вещь, образная и органичная, имеющая право на самостоятельную жизнь.

"Ошибся" Агатов в "Шаландах" только в одном-двух моментах — наш Фонтан мог покрыться не черемухой, а скорее всего, акацией. И одессит Костя, скорее всего, курил не "Казбек", а все-таки наше "Сальве". Но это все одесские мелочи...

...Сталинские лагеря не миновали и Агатова. Он был арестован чуть ли после съемок "Двух бойцов", просидев вплоть до 1956 г.* Одно время Агатов отбывал срок вместе с известной актрисой театра и кино Татьяной Окуневской. К моменту ее прибытия в лагерь Агатов уже был там своим человеком ("всемогущий Володя... может достать все из-под земли")**. В записке, арестованной вновь прибывшей в лагерь Окуневской, он писал:

"Здравствуйте! С печальным прибытием в наше лесное царство! Подтвердите, вы ли это действительно, потому что уйма сплетен, и я усомнился. Если это вы, не падайте духом, на общих работах мы вас не оставим.

*Ваши коллеги и я индивидуально
Владимир Агатов".*

Т. Окуневская вспоминала:

"...Боже ты мой, а я и не знала, что его арестовали, сама я с ним по работе не сталкивалась, но он из луковской команды, это он написал для Лукова "Темную ночь", "Шаланды, полные кефали" и считается хорошим поэтом-песенником, его шлягеры гуляют по городам и весям...

...Перед вахтой вся бригада, Володя впереди, совсем не изменился, кинулись друг к другу, в голове туман, какая-то жуткая иллюзия той настоящей, человеческой жизни".

* Даты требуют уточнения.

** Т. Окуневская. Татьянин день. М., Варгиус, 1998.

Новодевичье кладбище. Могила В. Агатова

В лагере Агатов взял над Окуневской шефство, оберегая от уголовников. Ведь все это происходило в мужском бандитском лагере! Здесь Агатов — директор лагерного театра, одновременно администратор и завлит. Он в дружеских отношениях с начальником политотдела лагеря, оказавшимся интеллигентным человеком и настоящим офицером. Агатов добился, чтобы Окуневскую назначили художественным руководите-

лем культбригады. Не все так просто, если учесть, что известная актриса была у всех на виду. Это даже опасно — все репетиции проходили в мужском лагпункте...

Агатов организует при культбригаде женский хор, для чего отыскивает в соседних лагерях и переводит к себе в лагпункт (другими словами, спасает от голода и издевательств) талантливых исполнителей. Здесь и чудо-балетмейстер из Днепропетровска, и "первая скрипка" из Театра Советской Армии, и известный всей стране "пианист с хорошим аккордеоном", и даже знаток украинских танцев...

...По свидетельству современников, Владимир Агатов вернулся из лагеря в Москву сломленным и больным человеком.

В завершении приведу слова Е. Евтушенко об Агатове*:

"Автор двух знаменитых во время войны песен из кинофильма "Два бойца", где играли такие блистательные актеры, как М. Бернес и Б. Андреев. Бернес, исполнявший роль одессита Аркадия Дзюбина, виртуозно спел стилизацию Агатова "Шаланды, полные кефали". Фильм "Два бойца" я смотрел в своем детстве на станции Зима, наверное, раз двадцать. Эта лукавая озорная песня была неожиданным подарком судьбы среди крови, голода, разрухи.

В конце жизни Агатов опубликовал грубый пасквиль на А.Д. Синявского. Жаль..."

* Е. Евтушенко. Строфы века. Антология русской поэзии. Полифакт. Москва-Минск, 1997.

Умер Владимир Агатов в 1966 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище (секция 128, ниша 78). На памятной плите начертано: *"Темная ночь, только пули свистят по степи..."*.

Такая вот "со страшным скрипом" судьба весельчака, словоохотливого человека, любителя розыгрышей и смачных анекдотов... Человека, который смог одинаково успешно подняться до "Темной ночи" и "опуститься" до "Шаланд".

...В Одессе по-прежнему *"синеет море за бульваром..."* и *"бульвар Французский весь в цвету..."*.

Жизнь продолжается...

